

ковью и властями такой оценки событий сделала то, что ссылки на „лукавство великое“ народа как на причину всех бедствий проникали со временем и в подлинно народные по происхождению песни, когда они воспроизводились реакционно настроенной средой.

Весь этот чрезвычайно противоречивый по своим идейно-художественным устремлениям фольклор начала XVII века жил, а иногда и творился в непосредственной близости к среде, создававшей в книжной литературе не менее противоречивое изображение одних и тех же событий, дававшей их участникам оценки с классово-противоположных позиций. В итоге — каждая социальная среда, если она и обращалась к фольклору, отбирала из него идейно близкое, используя его в своих целях.

Наиболее активно проявилось использование народной поэзии в исторической литературе начала XVII века, когда в литературной среде выдвинулись писатели из тех средних демократических слоев населения, которые деятельно участвовали в освобождении Русского государства от интервентов. Следует, однако, учесть, что давление правительственной цензуры на книжную литературу было не менее энергичным, чем на народную. Высказывать прямо свои оппозиционные, противоправительственные настроения писателю — значило рисковать не только своим положением, но иногда и жизнью. Вспомним, как тщательно скрыл свое имя автор одной из наиболее резких противоправительственных повестей времени правления „семибоярщины“ — „Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском“ — и как он объяснял свою осторожность. Этот неизвестный автор, с негодованием обрушившийся не только на интервентов, но и прежде всего на правящее боярство, состоит на службе у правительства и боится порвать с ним открыто: „ясно мне не мощно от них отстати и вам про се сказати (т. е. о всех злодеяниях боярства), или бы единому кому от вас втайне рещи; боюся, некли тот человек умом своим ползнется и не утерпит и вам скажет имя мое, и от вас разнесется и до них, врагов и губителей христианских, донесется. Тогда мя, взяв, злой смерти предадут; аз же у них ныне зело пожалован. Сами ведаете, что все мы смерти боимся; а се тако же имею жену и дети, яко же и вы: аще мне самому случится умерети, вестно и на господа надежда, что не умерети, но ожити за ту правду, ино жена и дети осиротити, меж двор пустити, или будет всего того горши, на позор дати“.¹

В таких условиях никто не решался закрепить на письме под своим именем смелые мысли в защиту народа, против его врагов-бояр, и предпочитали пользоваться анонимными, „подметными письмами“, оригиналы которых не сохранились, а заключить о политической остроте которых позволяет лишь литературная обработка одного из них в названной выше „Новой повести о преславном Российском царстве“. Поэтому судить о литературе демократического направления приходится по редким сохранившимся ее образцам, в которых отражены оценки, враждебные политике боярского правительства, но далекие и от прямого выражения сочувствия восставшему народу.

Рост национального сознания, горячий патриотизм и ненависть к врагам родины — интервентам и поддерживавшей их феодальной верхушке, отличающие часть литературы 1610—1612 годов, обусловили не только идейное совпадение ее с подлинно народными отражениями

¹ Русская историческая библиотека, т. XIII, 1909, стлб. 217.